

БОРИС КРИГЕР

КАК ЗАЙКА
И МИШКА
СТРОИЛИ
МОСТИК

БОРИС КРИГЕР

КАК ЗАЙКА
И МИШКА
СТРОИЛИ
МОСТИК

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Как Зайка и Мишка строили мостик

В этом сборнике сказок живут тишина и доброта, дружба и фантазия, малиновое варенье и звёздные камешки. Здесь Мишка учится не бояться грозы, чинит старый пень с важным видом и пробует летать на одуванчиках. А Зайка — сажает звёзды, делит морковку по справедливости и даже помогает Мишке услышать, как поёт тишина.

Это сказки о самых простых и самых важных вещах. О тех, что не ломаются от грома и не теряются в лесу. Потому что их охраняет тепло. И звёзды. И Зайка. И Мишка.

Сказка 1. "КАК ЗАЙКА И МИШКА СТРОИЛИ МОСТИК "

Однажды Мишка проснулся поздно — вставать не хотелось. Он, как и Зайка, спать умел и любил. Мишка потянулся и всё-таки вылез из кроватки. Зайки нигде не было.

— Наверное, за морковкой пошёл, — подумал Мишка и сел завтракать собранной вчера Зайкой малиной.

После завтрака Мишка побродил ещё, подумывал лечь обратно спать, погонял муравьёв по тропинке, чтоб быстрее бегали, показал вороне язык — короче, был занят своими обычными утренними делами. Но Зайки по-прежнему не было. Мишка решил, что Зайка забежал

к кому-нибудь в гости, и не стал беспокоиться, потому что в их Зайкашкином лесу ничего плохого не случалось.

Потом Мишка решил вздремнуть перед обедом. Это у него получилось на славу. Мишке приснился Зайка — и что он уже вернулся с лукошком, полным угощений. Мишка так от этого сна нагулял аппетит, что проснулся голодным и сразу стал звать Зайку, но тот не откликался!

Нервишки у Мишки были расшатанные, потому что была весна, и он ещё был весьма сонным. В спячку Мишка теперь зимой не впадал, чтоб Зайке скучно не было, и поэтому у него вообще было сонное настроение круглый год.

Мишка, голодный и не на шутку заскучавший по Зайке, отправился бродить в подробных поисках.

Так, в пиркиntonской задумчивости, он набрёл на берег ручья — и тут, на другом бережку, он заметил Зайку, который сосредоточенно тыкал палкой в воду, ища брод. Дело в том, что утром воды в ручье было мало, а за день где-то снег растаял, и ручей стал глубже.

— Зайка! — закричал Мишка. — Я сейчас тебя перенесу на наш берег.

И Медведь смело полез в ручей, но сразу промочил лапы, заболел насморком и расчихался.

— Не надо, не надо! — засоткашивался Зайка. — Я сейчас

на чём-нибудь переплыту.

И стал искать подходящее плавсредство, но ничего не находилось. К тому же, как назло, ручей был довольно шустрый, и, если бы Зайка пустился в плавание, то его могло бы унести далеко. А путешествовать водным транспортом Зайка не любил. Не то чтобы он был не водоплавающий совсем, но просто не доверял он этим шхунам.

Мишка был матросским медведем и плавать не боялся, хоть пока ёщё ни разу не пробовал. Но было бы мало толку, если бы Мишка попробовал и уплыл вниз по течению.

Пришлось Мишке идти договариваться с бобром. За половину морковки из Зайкиного лукошка бобёр припёр бревно, соорудил мостик и перекинул его через ручей. Так получился Зайкамишкин мостик. Они потом по нему туда-сюда прогуливались — и никакие ручьи им были нипочём.

Сказка 2. "Как Зайка и Мишка морковку делили "

Однажды Зайка нашёл огромную морковку. Сначала он подумал, что это хвост динозавра, забытый с давней эры. Потом потрогал и даже надкусил — нет, это была морковка. Такое случается в природе — некоторые овощи вырастают до огромных размеров, но каждый раз смотришь на такое чудо — и диву даёшься! Мишка читал об этом в старой дедушкиной книжке «Обо всём на свете» и особо не удивился, когда Зайка попросил его помочь приволочь свою огромную находку.

Зайка же был в восторге неописуемом. Иногда даже странно, как мало надо для счастья. И Мишка, пыхтя и отдуваясь, радовался за друга, потому что, когда другу

хорошо, то тебе — ещё лучше!

Когда они тащили морковку, та зацепила куст, и с него слетела голубиная стая, принимавшая солнечные ванны. Голуби, несмотря на свой мирный вид, ругались весьма воинственно. Но Мишка показал им язык, как он всегда поступал с воронами, и птички успокоились. У Мишки языкок был здоровый, не обложеный, и волноваться было не о чём.

Что же касается диеты — обычно Мишка старался морковок много не есть, чтобы Зайке хватало. Участому ведь было важнее — у них, у зайцев, морковки служат основой питания.

А Мишка больше любил орехи, ну и, как водится, плюшки, блинчики, оладьи, ватрушки, пончики, сырники, пирожки, кексики, пряники, кулебяки, расстегайчики, сушки, бублики, шанежки, лепёшки, коржики, эклеры, трубочки с кремом, медовики, шарлотки, пышки, коврижки, штрудели, беляшики, кренделя, печеньки, рогалики, вареники и даже особую форму выпечки — плюшуны и плюшунцы. Этот список вкусностей приводится здесь такой подробный для того, чтобы, если вы когда-нибудь пойдёте к Мишке в гости, знали, чем его угостить. Зайке же принесите шоколадку.

Морковки Мишка, в общем-то, ел. По правде говоря, сначала он был к ним равнодушен. Но со временем вошёл во вкус и стал морковки кушать не меньше, чем Зайка. Вот, говорят: с кем поведёшься — того и наберёшься. Но это обычно относится к чему-то не очень хорошему — к привычкам всяkim вредным и вообще. Однако по поводу проснувшегося аппетита Мишки к морковкам можно было только радоваться. Потому что

морковка — очень полезный овощ. И вкусный, если, конечно, его распробовать.

Многие вещи сначала не очень нравятся, а потом как привыкнешь — так и кушаешь с удовольствием. Главное — привыкать к вещам полезным, чтоб животик не болел. Итак, принесли Зайка с Мишкой морковку домой, и Заяц заявил, что он будет её с Мишкой делить. Мишка был рад за Зайку, но сказал, что он обойдётся и пусть Зайка её один ест. Но Зайка настаивал на делёжке по-братьски. Сели они друг напротив друга, положили между собой морковку и стали решать, как её поделить. Сначала хотели вдоль, но подумали, что таким образом будет очень трудно её разрезать. А пополам поровну получалось плохо, потому что морковка к концу сужалась, и если бы они поделили её посередине длины, то кончик оказался бы меньше, чем основание. Задача оказалась непростой.

Поэтому решили делить морковку по весу — но весов не было. Их Мишка ещё прошлой осенью сломал, пытаясь узнать свой осенний вес.

Тогда Зайка предложил кусать морковку по очереди, но Мишка сказал, что это уж слишком фанатично, особенно если за один укус Мишка съедал в пять раз больше Зайки, а мелко кусать он не умел. Потом пытались делить по объёму — но кто же знает объём морковки?! Она же не бутылка, на ней не написано!

Тогда Зайка обратился к Сove, а та, как водится, сразу ответила заумно и немного занудно: — Морковка похожа на такую фигуру — конус, — сказала она, поправляя очки и зевая, — и объём у неё не просто по длине считается. Надо понимать: тонкий

кончик — это почти ничего, а толстая попка — это почти всё.

— Да мы понимаем, — поторопил Мишка, — пополам по длине — это не поровну...

— Да, милые мои, — вздохнула Сова, — если делить по длине, то один получит чуть-чуть хрум, а другой — о-го-го ХРУМ! Чтобы было поровну, резать надо не по серёдке, а ближе к толстому концу, хвостику. Примерно на четыре пятых от вершины. Но точно — не скажу. Есть формула, но я её забыла. Вспомню — сообщу. Зайка кивнул, как будто понял, а Мишка честно сказал:

— Спасибо, Сова! Мы потом формулу запишем... на варежке.

Зимой Мишка любил носить варежки и иногда на них записывал стихи, если от сидения на снегу у него попка стыла. Такая у него была снегостихийная особенность. Решили обратиться к Бобру за советом. Бобёр попросил за это угостить его морковкой. Мишка с Зайкой весело согласились.

Бобёр внимательно осмотрел морковку и сбежал домой за своей любимой тёркой. Дело в том, что вверх по течению ручья был тёрочный завод, тёрки с него сбегали и в плотине Бобра нередко застревали. Поэтому тёрок, надо сказать, у Бобра было завались, а точнее — хоть затрись. Бобёр тёрки давно уже принялся коллекционировать. Была у него и карманная, и музыкальная, и даже одна — просто на всякий случай. Она-то и была самой любимой. Короче, натёр Бобёр этой тёркой всю морковку и поделил поровну на три миски.

Так друзья наелись вдоволь огромной морковкой. Хотя каждому досталось не больше, чем получилось бы, если бы натёрли в каждую миску по морковке обычного размера.

Но это не важно. Щедрость не требует точного расчёта. В благодарность за угощение Бобёр сообщил, что его учили в школе для бобров той самой специальной формуле, как такую фигуру, как морковку, можно разделить поровну. Похоже, той же формуле, которую не могла вспомнить Сова. Но Сове-то формула была нужна для умничанья, а Бобёр умничать не любил — ему было некогда, и он никогда формулу эту не применял, от чего совсем её позабыл.

А всё потому, что в жизни важнее смекалка и доброта, а не расчёт!

СКАЗКА 3. "КАК ЗАЙКЕ ПРИСНИЛОСЬ, ЧТО НА НЕГО ВСЕ ОБИДЕЛИСЬ"

Однажды утром Зайка проснулся и сел на краешек кроватки.

Зайке приснился сон. Вроде бы ничего особенного — просто лес, друзья, но... какие-то они были не такие.

Ему снилось, что Мишка отвернулся. Ёжик пробежал мимо и даже не кивнул. Сова с упрёком пробормотала: «Здрасте». Даже пуговица от любимого свитерка убежала и куда-то спряталась.

Зайка проснулся встревоженный — вроде и сон, а как будто по-настоящему.

Кругом всё было как всегда — на подоконнике вчерашняя кружка с остывшим морковным чаем, в которой плавала крошечная звёздочка от печеньки, заготовленные с вечера любимые носочки в крапинку лежали на месте, даже тапочки-ёжики, как обычно, мирно смотрели в потолок. Но что-то было не так. Комната была тихой, но какой-то неуютной — как будто кто-то обиделся и вышел, не хлопнув дверью, а тихо её прикрыл, мол: извини, Зайка, что побеспокоил.

— Все на меня обиделись, — сказал Зайка сам себе. — Вот просто все.

Зайки, честно говоря, бывают немножко мнительными. Если ложка лежала криво — Зайка обычно думал, что она обиделась. Если занавеска колыхалась — значит, окно на него дуется.

А если подушка утром жестковата — ну, наверное, не в духе и обижается на Зайку, что он её на ночь взбивал.

Заяц часто грустил от этого — просто ему так казалось: и друзья, и вещи, и даже тёплая пуговка от старого свитера — все на него обиделись.

Зайка вздохнул, надел носочек не на ту лапу, и, соответственно, и второй оказался на неправильной лапе, но передумывать Зайка не стал — всё равно обиженные тапочки, наверное, не захотят с ним пойти гулять. Он даже морковку не стал мыть. Так и пошёл в одних носках — с немытой морковкой и тенью на ушах.

Первым встретился Мишка. Тот сидел под сосной, обняв кружку с малиновым вареньем.

— Привет, Мишка... — тихо сказал Зайка. — Ты на меня обижаешься?

— Привет, — ответил Мишка. — Нет, конечно, я так тебе рад!

— Прости, я... забегался... Но я всегда про тебя помню. Вот, — и Зайка достал из кармашка листик с надписью, который он ещё с вечера заготовил для Мишки: «Я всегда тебя помню, даже когда бегаю».

Мишка прочитал, улыбнулся и погладил Зайку по ушкам.

— А я-то подумал, что ты меня забыл, и мне сразу стало кисло даже с вареньем, — признался Медведь. — А оказалось — что нет!

Зайка облегчённо вздохнул.

— А я думал, ты обиделся. И Ёжик, и Сова, и даже старая кружка с трещинкой на подоконнике ... обиделась!

— Нет, — сказал Мишка. — Просто иногда, когда становится тихо, нам кажется, что нас не любят. Но это только потому, что мы сами слишком тихо любим и ждём. А ты — ты просто бегал. Но с любовью.

Дело в том, что Зайка всё время куда-то бегал. Не потому, что спешил, а потому что у него внутри было как будто семь будильников и ни одного выключателя.

То он нёс письмо Облачку, которое унесло его вчерашинюю мысль.

То искал, куда подевалась вторая Мишкина варежка со стихами.

То вспоминал, кому обещал прийти просто так — «посидеть рядышком».

Из-за этого в лесу Зайка был немножко у всех в

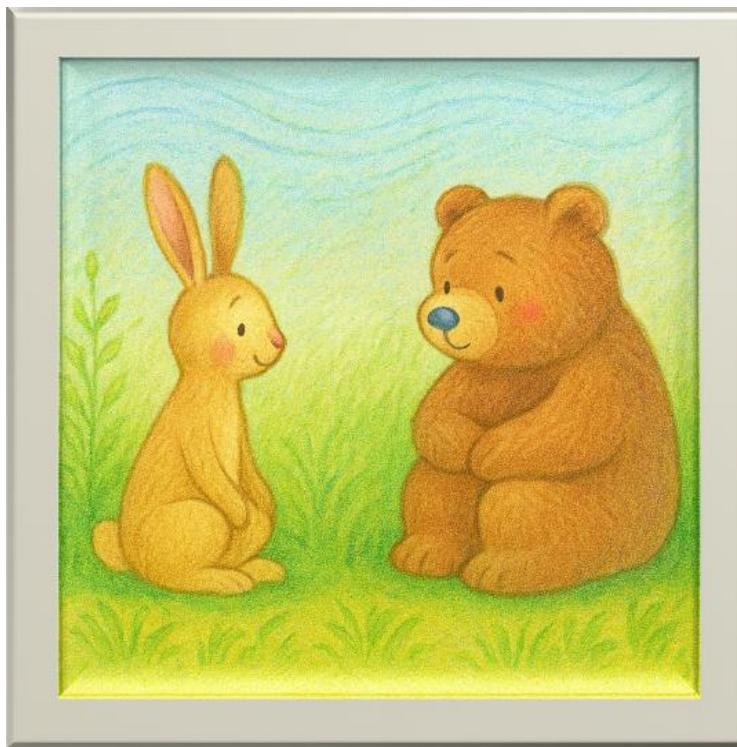
дефиците. Не хватало его всем, все его ждали, звали, махали из окон. Дома даже чайник иногда вскипал сам, просто надеяясь, что Зайка вот-вот вернётся и будет пить чай, а тот всё бегал и бегал.

Зайка с Мишкой посидели молча и подумали обо всём этом. Потом пошли к Сове — на всякий случай, уточнить, не обиделась ли она. Оказалось, она вообще не обижалась, всё перепутала и ждала Зайку послезавтра.

А старая кружка с трещинкой тоже совсем не обижалась и очень обрадовалась, когда её снова наполнили чаем.

В тот день Зайка понял, что обиды часто живут в домике ожиданий. А стоит открыть окошко души — и они улетают, как осенние листики. А если вдруг одна останется — можно написать на ней, как на листике, что-нибудь тёплое. Например: «Я всегда тебя помню, даже когда бегаю».

Сказка 4. "КАК ЗАЙКА НАУЧИЛ МИШКУ СЛУШАТЬ ТИШИНУ"

Мишка очень шумный — всё время гремит, поёт, шумит, шебуршит и производит разные другие звуки, например: шлёт-шлёт-шлёт, бульк-блям, тых-пых, чвяк-чвяк, бах-флоп-пух, мяффф-мяффф и снова шлёт-шлёт-шлёт. Ой, про шлёт-шлёт-шлёт мы уже упоминали.

Честно говоря, Зайка тишину в доме не любил и всегда включал лесное радио, по которому вещал и пел песенки весёлый Ёжик.

Но если Мишка был рядом, то радио было не нужно. Он производил столько шума, что ни одна радиостанция не

смогла бы его перекричать — и даже не пыталась. Просто по радио объявляли: мол, так и так, дорогие радиослушатели, мы прекращаем вещание, пока дорогой радиослушатель Мишка не выйдет из дома погулять, а то всё равно ни фига не слышно.

И это было хорошо. Потому что когда Мишка шумит — значит, он рядом. И значит, всё в порядке. Хотя порядок был, конечно, относительный. Но Зайка знал: беспорядок — это порядок, который просто ещё не определился.

Соседи на шум не жаловались, потому что были глухарями.

Они радио не слушали и были заняты своими брачными плясками.

Однажды Зайке с Мишкой пришло странное письмо — пустой конверт пах мятою и мхом. Сова, поразмыслив и полистав совиные справочники, сказала, что это письмо от Тишины, и чтобы его «услышать», надо перестать шуметь.

Тогда Мишка с Зайкой взяли таинственное послание и пошли на полянку. Уселись, открыли конвертик и принялись тихо слушать тишину. И тут услышали, как шепчет ветерок, травинка перешёптывается с другой травинкой, улитка говорит: «Ой», — и продолжает ползти, облака целуют макушки деревьев, старый пень вздыхает от воспоминаний, одуванчик напевает песенку,

мечтая стать звёздочкой, малина с тонким хрустом пускает побеги, капля росы скатывается по паутинке, влажная земля спит с корешками в обнимку, муравей тащит веточку, божья коровка тихо молится, подёргивая крыльшками, ромашка, не отрываясь, сама себе считает лепестки на «любит — не любит» и всегда останавливается на «любит», колокольчик поёт во сне, мох наполняется влагой, паучок сочиняет сказку, кузнечики устраивают пикничок, свет проскальзывает сквозь листву, молча вскрикнув: «Ах!», и даже животик Мишки урчит — то ли «пора обедать», то ли «я тебя люблю», — и всё живое на полянке просто живёт — в бесконечном звучании тишины.

Ведь иногда молчание говорит больше слов.

Мишка слушал, затаив дыхание. Даже его животик на минутку притих — будто бы сам заслушался. А Зайка чуть не заплакал. Но не от грусти — от того, как всё это было просто, тихо и по-настоящему.

— Мишка, — шепнул он, — ты это слышал?

— Угу, — кивнул Мишка, — но теперь я не знаю как.

— Что как?

— Как обратно не начать шуметь? Я же не специально. Оно само...

И тут где-то Зайку осенило: может, весь смысл и был в том, чтобы услышать тишину — а потом снова зашуметь, но уже чуточку иначе.

Но тут у Мишки зачесалось ухо. Он почесал — и случайно хрюкнул. Потом пукнул (совсем тихо, но зато с эхом), потом икнул, а потом сам не заметил, как начал чихать, подпрыгивать и смеяться.

Зайка смотрел на него в изумлении.

— Мишка, ты что?!

— Я... я стараюсь молчать... честно! Но, видимо, у меня организм такой — звучный!

И оба расхохотались. А потом начали спорить, кто громче шепчет, кто тише вздыхает и как по звуку узнать, что малина спелая.

Вернувшись домой, Зайка долго сидел у окна. Тишина осталась внутри него. Мишка тихонько складывал свои звуки в баночки — по одному. На них были этикетки: «Плюх надежды», «Шлёт обнимашек», «Пых-пых уюта».

Он сказал:

— Я решил быть не просто шумным, а музыкальным.

Зайка улыбнулся.

— А я решил — иногда молчать, чтобы услышать.

И у них всё получилось. Потому что главное — когда ты слышишь друг друга.

Сказка 5. "КАК ЗАЙКА ПОТЕРЯЛСЯ, НО НАШЁЛ ПУТЬ ДОМОЙ"

Весной Зайка всегда собирал одуванчики варить варенье — очень он это любил.

Особенно хотелось Зайке найти самые сладкие и яркие, чтобы варенье получилось солнечное, как он говорил, — «улыбчатое». Поэтому отправился Зайка далеко — туда, где ещё никто не собирал. А чтобы не скучать и не забыть, зачем идёт, кроме лукошка прихватил с собой маленькую баночку: в неё он складывал самые красивые цветы — для Мишки, в подарок.

Зайка шёл и шёл, напевая под нос свою любимую вареньевую песенку:

**Ловим мы солнышко банкой стеклянной,
Пахнет весной и травой одуванной.
Словно улыбки в сиропе густом —
Скоро заполнят душистостью дом!**

Лес становился всё гуще, одуванчиков было много — золотых, пушистых, ароматных. Но солнце тем временем клонилось к закату, тени вытягивались, и вдруг... всё стало незнакомым. Ни тропинки, ни кустика, который Зайка помнил, ни пенька со знакомым мхом.

Зайка остановился.
Сердце зайчонка забилось чаще. Зайка понял:
потерялся.

А дома — варенье недоварено, и Мишка волнуется! И в темноте как-то... неуютно.

Зайка присел на старый пень, обхватил баночку с одуванчиками и стал прислушиваться. Лес по-вечернему шептался. Где-то чирикнула незнакомая птичка, вдалеке кто-то таинственно ухнул. Один куст, показавшийся страшным, вдруг зашевелился — из него выскочила белочка, испугалась Зайку так же, как он её. И вдруг Зайка понял: он не один, и лес не страшный, а просто живой.

Тут в голове у Зайки всплыл Мишкин голос:
— Если потеряешься, посмотри на звёзды. Полярная — самая популярная, она всегда на месте.

И Зайка вспомнил, как однажды они с Мишкой лежали

на полянке и смотрели в небо. Мишка показывал ему в небе Ковшик, водил лапкой в воздухе и говорил: — Вон туда смотри. Та, что не двигается, — твоя. Она тебя домой доведёт. Даже если все другие звёзды поменяют места.

Зайка поднял голову. Небо уже было усыпано звёздными одуванчиками, и среди них — та самая, тихая, верная, Полярная звезда.

Зайка встал. Стало как-то легче. Он знал, в каком направлении идти.

Шаг за шагом. Спокойно. Как учил Мишка. И, чтобы не бояться, Зайка снова запел вареньевую песенку. Она вышла чуть тише, чем утром, но зато — с новым куплетом:

**Если вдруг ночь, и в пути темнота —
Мишка волнуется дома с утра.
Но неспроста есть на небе огни:
Скоро приду, Мишка, ты подожди!**

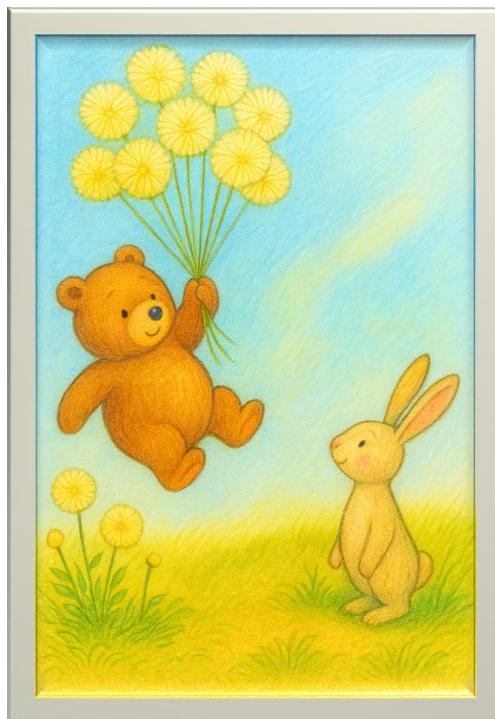
И вдруг — знакомый поворот. Запах морковной грядки. Фонарик у дома светится, как глазик. А у порога стоит Мишка. С чашкой морковного чая. Немного встрёпанный, но улыбается — потому что дождался.

— Я знал, что ты вспомнишь про звёздочку, — сказал он и обнял Зайку.

Потом они вместе варили варенье. Зайка подарил тёплую баночку с теми самыми одуванчиками — для Мишки.

И сказал:
— Спасибо тебе. Ты научил меня находить путь домой.
Потому что дом — там, где мой Мишка. И это знают
даже звёзды!

СКАЗКА 6. "КАК МИШКА ХОТЕЛ ЛЕТАТЬ"

Мишка завидовал птицам и хотел летать. «Почему Мишки не летают, как птички?» — часто спрашивал он. И действительно, ведь летать кажется так просто: взмахнул лапами (как у Мишки) или ушами (как у Зайки) — и полетел, полетел!

Но ничего не получалось, как друзья ни пробовали. То есть само махание выходило, а вот полёт — не очень.

Мишка начал подражать птицам буквально во всём, даже в пении: пел «чик-чирик», хотя голос у него получался не совсем птичий, но зато старателльный.

Для полёта Мишка однажды даже смастерили себе крылья из старой простыни, которые, правда, сразу запутались у него под мышками, потому что подмышки у Мишки были очень обширные.

Зайка волновался, как бы Мишка не ушибся, и предложил сначала научиться «летать во сне» — а для этого придумать сон, где Мишка может быть птицей. Они вместе рисовали этот сон на листиках, чтобы вечером было легче «его себе приснить». Сон снился, но наяву всё равно летать не получалось.

Тогда Зайка помог Мишке сделать что-то вроде воздушного шара из одуванчиков. Когда Мишка был к полёту готов и по-гагарински вскричал: «Поехали!» — Зайка дунул, и Мишка на одуванчиках полетел!

Одуванчиковый шар был не просто пушистый, а ещё с секретом: каждый одуванчик нёс их добрые мечты. Именно это и подняло Мишку немного вверх.

Но не высоко поднялся и не долго летел Мишка — как плюхнулся в лужицу попкой. Мишка не рассердился, а рассмеялся, потому что этого полёта было достаточно, чтобы понять: хорошо быть Мишкой и на земле. А в небе пусть птички летают — раз они в лужи не плюхаются.

Одуванчики всё равно разлетелись, понеся Мишкины и Зайкины мечты в разные стороны, и где-то из них точно вырастут новые сказочные приключения.

После этого Мишка стал помогать другим мечтать, даже если они не могли летать — например, Ёжику построил качели, чтобы тот мог «взлетать» на них вверх.

А Зайка сказал: «Ты и так умеешь летать — просто по-медвежьи». И они вместе сели греться на солнышке, глядя, как плывут облака.

Потому что настоящая радость — не в том, чтобы летать, а в том, чтобы мечтать, дружить и улыбаться... даже с попкой в лужице.

СКАЗКА 7 "КАК ЗАЙКА САЖАЛ ЗВЁЗДЫ"

Мишка боялся темноты. Он старался не показывать виду, но когда солнце клонилось к закату, он почему-то становился очень тихим, прижимал уши и говорил:

— Я, конечно, не боюсь... просто в темноте медведям не видно, куда ступать!

А на самом деле ему было страшно. В темноте всё становилось другим — деревья подозрительными, ветки — скрипучими, и даже собственный носик казался каким-то чужим.

Зайка всё это видел. А Зайка был маленький, но со светлой ушастой головой и добрым сердцем. Он много думал. Даже когда ел морковку — думал, хотя хрумканье звонко отдавалось в ушах и думать мешало.

— Значит, темнота — это когда не видно? — размышлял он вслух. — Тогда нужно сделать так, чтобы было видно. И не просто видно, а... красиво!

Он собрал блестящие камешки: одни нашёл у ручья, другие — в гнезде сороки (попросил вежливо), а некоторые просто выкопал из песка. А потом, днём, пока Мишка делал вид, что чинит старый пень, Зайка рассадил камешки по поляне.

— Это будет звёздный сад, — сказал он. — Для одного большого Мишки, который немного боится ночи.

Когда стемнело, они вернулись на поляну. Луна поднялась, и вдруг трава засияла. Камешки отражали свет, как будто само небо рассыпалось внизу и решило тут переночевать.

Мишка остановился заворожённый. Он смотрел, смотрел и вдруг тихо сказал:

— Зайка... Это ты звёзды сажал?

— Ага, — улыбнулся Зайка. — Специально для тебя. Теперь, если небо вдруг забудет заглянуть к нам — у нас своё есть.

Тут из кустов выглянул Лисёнок. Он был рыжий и всегда задавал вопросы.

— А вы уверены, что это звёзды, а не просто блестяшки?

— А ты уверен, что ты лисёнок, а не чей-то сон? — хихикнул Зайка.

— Ну... эээ... — задумался Лисёнок. — Тогда, может быть, и звёзды — всего лишь блестяшки.

— Логично, — сказал Мишка, — хотя совсем запутался.

В тот момент сверху прилетела Сова. Она всегда говорила, что правильно — это когда и красиво, и полезно одновременно.

— Если звёзды под ногами помогают тебе не бояться, значит, они настоящие, — сказала она. — Потому что добро — это когда внутри стало светлее.

— Спасибо, Сова! — сказал Мишка. — Я больше не боюсь. Почти.

А потом Зайка достал самый крошечный, голубоватый камешек и положил Мишке под подушку.

— Это запасная звезда. На случай, если забудешь, что ты уже не боишься.

С той ночи Мишка гулял по своей звёздной поляне не только смело, но и весело. Он даже сам начал собирать блестяшки — вдруг когда-нибудь и Зайке понадобится кусочек света.

Иногда именно тот, кто маленький, умеет зажигать
большое небо.

И если большой боится — это не беда. Главное, чтобы
рядом был тот, кто умеет сажать звёзды!

СКАЗКА 8. КАК МИШКА СТАРЫЙ ПЕНЬ ПОЧИНИЛ

Мишка часто делал вид, что занимается серьёзным делом. То подкручивал болтик в старом будильнике, то пересыпал шишки из одной коробки в другую, то строил башню из камушков и палочек. На самом же деле ему просто нравилось, когда Зайка подходил и спрашивал:

— Что делаешь, Мишка?

И тогда Мишка важно отвечал:

— Работу. Важную. Очень важную работу.

Однажды после дождя Мишка вышел на опушку и увидел старый пень — тот самый, на котором он когда-то сидел и придумывал, как ему научиться летать. Пень выглядел грустным: кора осыпалась, с одной стороны откололся кусок, а в трещине завелась мокрая ряска.

— Вот беда! — сказал Мишка. — Такой добрый, старый пень, а весь разваливается... И кто ж его теперь починит?

Он задумался, потом погладил пень лапой и сказал:

— Я починю! Я — медведь не простой, а с молотком и фантазией!

Мишка принёс верёвочку, тряпочку, немного мха и старую кастрюлю, в которой Зайка когда-то варила суп из лопушков. Но теперь у Зайки была новая кастрюля — он купил её у Бобра. Потому что на тёрочном заводе вверх по течению ручья стали выпускать не только тёрки, но и кастрюли. Те сбегали с завода и плыли вниз по ручью, а Бобёр их вылавливал и продавал. Вы спросите, почему лесные жители сами не ловили кастрюли? Ну, во-первых,

не все были настолько водоплавающие, как Бобёр, а во-вторых — надо же поддерживать местный бизнес.

Так или иначе, Мишка всё это аккуратно разложил и начал чинить.

Он перевязал пень верёвочкой, трещину закрыл мхом, сверху прикрыл тряпичкой, а кастрюлю перевернул и поставил как крышу — чтобы дождь больше не капал внутрь. Получилось... странно, но весело.

Проходивший мимо Ёжик остановился, посмотрел и сказал:

— Это что, арт-объект?

— Нет, это пень, — гордо ответил Мишка. — Но теперь у него есть крыша.

А вечером подошёл Зайка, сел рядом с пнём, потрогал тряпичку и сказал:

— Знаешь, Мишка, у тебя получилось. Теперь пень стал почти домиком. Даже уютно.

Мишка ничего не ответил — только хмыкнул и почесал носик. Он и сам не знал, что сказать. Потому что вдруг понял: впервые за долгое время он действительно сделал что-то по-настоящему нужное, а не просто делал вид.

С тех пор, если кто-то из лесных обитателей спрашивал:

— А что это за странный домик на опушке? —

все хором отвечали:

— Это Мишка починил старый пенёк. Он у нас мастер по важным делам.

А когда ночью на опушке снова прошёл дождь, ни одна капля не попала внутрь пня. Даже ряска не всплыла — потому что домик держался крепко. А внутри тихо спал один старый жук.

Но при этом корни старого пня продолжали впитывать влагу.

И вдруг старый пень пустил новый росток. Сначала он был тоненьkim, почти прозрачным, едва держался на ветру, но день за днём тянулся из-под кастрюли к солнцу, ловил дождевые капли и, словно благодарили старый пень за приют и защиту, а Мишку, за помощь, и рос — неспешно, но упрямо.

Через некоторое время на опушке появилось молодое деревце. Совсем юное, но с живой зеленью на ветках и лёгким шелестом, похожим на тихий смех. И никто уже не вспоминал, что всё началось с трещины в пне, которую кто-то когда-то решил закрыть тряпочкой и мхом.

Зайка часто сидел рядом с Мишкой и смотрел на это деревце.

— Видишь? — как-то прошептал он. — А ты ведь просто не хотел, чтобы пень намок.

Мишка пожал плечами и тихо сказал:

— Я ведь и не думал, что что-то вырастет... Просто... не хотел, чтобы ему было мокро.

Так иногда и бывает. Маленькое дело, почти игра, почти случайность — может вдруг зацепиться за живое. Пробудить спящее. Подарить корням новую жизнь.

Никто не знает, в какой момент трещина в мёртвой скале станет живым родником. Никто не может заранее сказать, где добрая мысль прорвётся сквозь толщу обыденности и вдруг станет светом. Но, может быть, именно поэтому стоит беречь эти крошечные движения души. Даже если они кажутся глупыми. Даже если никто не замечает.

Иногда достаточно просто позаботиться о чём-то старом и одиноком — и оно само оживёт.

Иногда достаточно просто быть рядом. Или приложить лапу. Или сказать: «Я помогу».

А остальное... остальное обязательно прорастёт.

Сказка 9. "Как Мишка Грома испугался "

Гроза над лесом грянула внезапно. Сначала всё затихло, будто лес задержал дыхание, а потом — бах! — небо словно раскололось громом на кусочки. И тут пошёл дождь — торопливый, весёлый и шумный, будто кто-то рассыпал целое ведро барабанов.

Мишка сразу нырнул под одеяло.

— Это она на меня сердится... — забормотал он.

— Кто? — спросил Зайка, смело сидя у окна.

— Гроза! Я точно что-то натворил!

Зайка подошёл, сел рядом и прошептал:

— Гроза не злится. Она просто громко поёт. Как ты!

— А зачем? — спросил Мишка.

— Может, у неё день рождения? Или она сочинила новую песенку? — резонно предположил Зайка, а потом рассмеялся и добавил: — Вот ты же обычно шумишь без причины — и грозе можно!

Мишка вынул носик из-под одеяла. За окном капли весело прыгали по траве, листья плясали, а небо гремело, как оркестр без дирижёра.

— Послушай, как дождик стучит! — сказал Зайка. — Он как будто играет настоящую музыку!

— А капельки на стекле — это ноты?

— Конечно! У дождя просто свой концерт. Без билетов. Ведь мир не имеет готового смысла, но ты можешь дать ему такой, в котором будет место добру и веселью! А дождик — это молодость мира...

Мишка прислушался. Гроза по-прежнему гремела, но теперь казалась не такой страшной. Просто очень... громкой.

И тут снова сверкнуло — ярко, ослепительно!

Мишка вздрогнул и вжался в подушку.

— Оно... оно треснуло! — прошептал он. — Небо! Оно треснуло пополам!

Зайка моргнул.

— Кто-кто треснул? — уточнил он, потому что во всём ценил подробности.

— Небо! Видел? Там щель! Я даже дерево за ней разглядел!

Зайка рассмеялся.

— Это не щель, это молния. Она просто очень быстрая.
— А вдруг небо сломалось навсегда?..
— Не бойся, — сказал Зайка. — Молния — это как если бы небо чихнуло светом. Небо не ломается, оно просто играет.

Мишка задумался.

— А если оно играет, может, и мы можем?
— Конечно. Только у нас инструменты мягче. У неба — молния, а у нас — подушки!
И друзья весело стали шлёпать друг друга подушками, перекрикивая грозу.

Но вдруг из-за окна раздалось:

— Ква-а-а! Ква-ква-квaaa!

Мишка снова вздрогнул.

— А это что? Гроза зовёт кого-то на помощь?
— Нет, — засмеялся Зайка, выглядывая в щёлочку. — Это Лягушка Фрося. Она всегда выходит, когда дождь. Для неё это праздник!

— Праздник?

— Конечно! Она говорит, что дождь — это её сцена. Гром — барабаны, молния — прожектор, а она — солистка.

Снаружи снова зазвучало:

— Ква-квaaaa! Ква!

— Слушай, — сказал Зайка, — она же подпевает грозе! Прямо хор получился. А мы — зрители с уютным пледом и подушками. Только попкорна не хватает!

Мишка улыбнулся.

— Или лучше чаю с мёдом. Гроза ведь у нас — концертная!

Они ещё немного посидели у окна. Дождь стучал по крыше. Гром больше не пугал — он словно уже перекатывался где-то далеко, лениво, как большой кот по небу.

Мишка зевнул, прижался к подушке и сказал:

— А ведь если бы гром был оркестром, я бы играл в нём на самом большом барабане... Бум-бум!

— Конечно, — шепнул Зайка, укрывая его пледом. — Ты ведь и есть наш медвежий барабанщик.

Мишка что-то ещё пробормотал... и задремал.

И приснилось ему, будто небо превратилось в сцену. Он стоял в огромных наушниках, с палочками в лапах, и гремел на барабане, а молнии хлопали в ладоши. Зайка дирижировал, стоя на облаке, а Лягушка Фрося ква-ква-квала прямо в микрофон. Сова громко хлопала крыльями в такт, а Лисёнок с Ёжиком записывали партитуру на листочках клёна.

И всё было громко, весело и совсем не страшно.

— А если я всё-таки боюсь? — сквозь сон тихо спросил Медведь.

— А я нет, — сказал Зайка. — Так что мы вместе: один боится, а другой — нет. Получается, в среднем мы и не смелые, и не трусы.

Мишка хихикнул.

— Значит, если бы ты боялся, а я — нет, тогда ты бы тоже были в среднем не трусами?

— Именно! Это работает в обе стороны.

Они лежали вдвоём, слушая, как дождь стучит, как гром катится по небу, и как сердце становится спокойнее, когда рядом кто-то, кто совсем не дрожит.

Ведь страх улетучивается, если рядом тот, кто не боится. А если боятся вдвоём — можно придумать что-нибудь смешное, и уже не так страшно, а даже весело!

Сказка 10. "Пижамная философия"

В последнее время в мире творится неладное. Люди всё чаще спят без пижамок. Ладно бы — только ночные колпаки пропали. Колпаки — вещь, может, и спорная: сползают, путаются в ушах, под ними голова чешется. Но пижамки! Мягкие, тёпленькие, уютные пижамки, пахнущие сушёной ромашкой и домашним сном — за что же их так?

Когда-то считалось, что пижамка — как заботливая лапка: обнимает тебя всю ночь. И не даст замёрзнуть, и не пустит в сон злую мысль, и нашепчет добрую сказку.

Зайка очень любил свою пижамку. Она у него была светло-серая, в морковные звёздочки, с длинными рукавчиками, которые иногда закатывались на концах, и с кармашком на пузике, где он держал кусочек морковки — «на всякий случай».

У Мишки была пижамка чуть потрёпанная, с жёлтыми заплатками на коленках и локотках, и с капюшончиком, который он почти никогда не надевал, но считал важным, чтобы был.

Жили они в одном домике, но спали в разных комнатах, чтобы не мешать друг дружке — потому что Мишка сопел во сне, да и Зайке иногда снились прыгающие морковки, и он начинал дёргать ушами.

Пижамка — это святое! Вот так: сначала люди перестают спать в пижамках, а потом и вовсе Бога забудут. Именно с пижамок всё и начинается. Сначала кажется — мелочь. Ну не надел пижамку, ну заснул в футболке или в чём-то ещё. Потом — перестал желать спокойной ночи, потом — не прочитал сказку на ночь, потом — не обнял никого перед сном, потом — не подумал перед сном о своём. А там уже и всё — апокалипсис с Армагеддоном.

Вот так: сначала перестают надевать пижамку, потом — открывать окно, чтобы впустить звёзды, потом — принимаются гасить свет не ласково, а хлопнув выключателем. А потом перестают верить в то, что ночью тоже есть кто-то, кто нас бережёт.

Пижамка — это не просто одёжка. Это ритуал, это нежность, это признание: ночь — это не случайность, а часть жизни. Что сон — не падение в бездну, а доверие. Что есть над головой крыша. Есть покой. Есть Тот, Кто сторожит.

Именно поэтому Зайка и носит пижамку. Не из привычки. А потому что нельзя иначе. А Мишка носит свою пижамку, потому что ему в ней снятся плюшевые сны.

И пока в доме слышен шорох пижамных рукавчиков, пока кто-то поправляет ушки перед сном — Бог живёт там. В тишине и в шёпоте: — Спи, мой хороший. Я рядом.

Однажды, ближе к полуночи, когда за окнами мимо, как пушистый зверёк на цыпочках, прошла тишина, и свет от фонаря лёг на пол в виде косого квадрата, Зайка вылез из своей кроватки, поправил пижамку, взял любимую подушечку под лапку и побрёл к Мишке. Он тихонько приоткрыл дверь и заглянул. Мишка дремал на боку, уткнувшись носом в край подушки. Одеяло сбилось на пол, капюшон съехал на ухо. Всё было, как всегда. Но Зайка подошёл, присел на краешек кроватки, поправил на друге одеяло и вдруг очень тихо спросил:

— А зачем мы живём?

Мишка не сразу проснулся. Он покряхтел, потянулся, зевнул так широко, что чуть не проглотил луну, благо она заблаговременно спряталась за тучки, и только потом открыл один глазик.

Ответ Медведь дал не сразу. Немного подумал. Поразмышлял. Полежал. И только потом, всё ещё не открывая второго глаза, сказал в полголоса:

— Наверное... чтобы любить тех, кто задаёт такие вопросы.

Зайка ничего не ответил. Он просто прерывисто

вздохнул, словно прокатил вздох по ступенькам. И, подложив подушечку под щёчку, устроился прямо рядом, на самом уголке кроватки. Мишка зевнул и пробормотал:

— Завтра расскажу тебе ещё, зачем. Но это — самое главное.

И снова наступила ночная сонь. Не обычная скучная, а весёлая пижамная. Та, в которой можно не знать зачем — и ничего не бояться.

